

Глава 21

Что ж, классическая сцена наглого вымогательства.

Коу Дун разыгрывал эту карту с поразительной наглостью. Одной рукой он бережно придерживал живот, в глазах плескалась вселенская скорбь. Он решил бить первым.

— Ты что, поцеловал меня и теперь решил сделать вид, будто ничего не было? — укоризненно выдохнул он.

Игровая система, не выдержав этого зрелища, подала голос:

[Подобная клевета противоречит всякому здравому смыслу...]

Да ладно здравый смысл — неужели обычный поцелуй сквозь бронированное стекло способен довести до беременности?

«На такую дешёвую уловку купится разве что полный идиот»

— А мне плевать, — фыркнул Коу Дун. — Мы, строители социализма, до плотских утех ниже шеи не опускаемся. Сколько я книг читал — там после поцелуя сразу гасят свет, а в следующей сцене уже роды. Что поделать, если я чист и невинен, как белый лист бумаги?

Систему захлестнула буря самых противоречивых чувств.

«Чистый лист?»

«Таких грязных трюков ни один «чистый лист» в мире ещё не вытворял»

Пока они препирались, в коридоре раздался тихий, шаркающий звук — словно кто-то медленно, волоча ноги, брёл по полу.

Шуршание приближалось. Неплотно прикрытая дверь едва слышно скрипнула. В тёмной щели показался налитой кровью человеческий глаз, жадно всматривающийся внутрь.

Отлично, а вот и ночные гости пожаловали.

Кровавое яблоко провернулось в глазнице и намертво зафиксировалось на Коу Дуне. Мгновение — и у щели замелькали другие лица. Вскоре вся дверная щель сверху донизу запестрела густой, копошащейся массой пристальных, подглядывающих глаз.

Жуткая, живая картина. Спрятавшись в темноте за дверью, твари прожорливо разглядывали юношу, словно оценивая его плоть. Такую нежную, такую аппетитную.

Дверь со зловещим скрипом приоткрылась шире.

Из темноты медленно высунулись уродливые головы.

— Ты видишь... — прошелестел чей-то вкрадчивый голос. — Ты видишь меня?..

Коу Дун даже бровью не повел. Совершенно невозмутимо он бросил:

— Не-а, не вижу.

Существо выползло наружу почти наполовину, придвинулось ближе и с маниакальным упорством повторило:

— Ты видишь меня?

— Я же сказал — нет, — кокетливо отозвался Коу Дун. — Тут отец моего ребёнка стоит, мне другие мужчины неинтересны.

Глаза в щели: «...»

Что за дела?

Монстр у порога внезапно почувствовал себя третьим лишним, которому беспардонно тычут под нос чужим семейным счастьем.

Коу Дун нежно погладил свой выпирающий живот и повернулся к безмолвному «отцу семейства», который всё ещё пребывал в глубоком недоумении:

— Чего ты молчишь? Нам тут всякую дрянь показывают, это вредно для малыша.

Русал не отрывал от него тяжелого взгляда из глубины резервуара. Коу Дуну даже показалось, что в этих бездонных глазах промелькнуло искреннее замешательство. Наконец чудовище отреагировало. Синий хвост плавно скользнул в воде, русал приподнял голову и уставился прямо на толпящихся у порога подопытных.

Он не издал ни звука, но подопытные задрожали так, словно перед ними вырос их злейший кошмар. Глазные яблоки в дверной щели бешено завертелись — казалось, они вот-вот вывалятся из орбит.

Кто-то один попятился первым, и в ту же секунду вся орава испуганно отпрянула назад. Они послушно выстроились в ровную шеренгу и, понутив головы, поплелись прочь, точно провинившиеся первоклассники.

Но даже уходя, они то и дело оборачивались, бросая на Коу Дуна длинные, тоскливые взгляды.

Казалось, они жаждали ощупать его глазами с головы до ног.

Подопытный S с силой хлестнул хвостом по стеклу. По сверхпрочной бронированной поверхности побежала густая паутина трещин. Это было последнее предупреждение.

Низшие подопытные затряслись ещё сильнее. Резко отвернувшись, они бросились наутёк, обгоняя друг друга. О былой неторопливости не шло и речи — они испарились за считанные секунды.

Провожая их взглядом, Коу Дун задумчиво протянул:

— Ишь ты, строем ходят...

Эта картина живо напомнила ему, как днём организованно возвращались в вольеры подопытные ранга А. Теперь стало очевидно, чьих рук это были дела.

В коридоре воцарилась идеальная пустота. Любопытные зеваки разбежались, оставив новоявленное «семейство» наедине.

Самое время играть в счастливый брак.

Коу Дун, ощущая себя неприкосновенной персоной благодаря своей «беременности», заговорил со значительно большей уверенностью. Повернувшись к русалу, он великодушно предложил:

— Хочешь погладить малыша?

Русал немного поколебался, словно переваривая услышанное, но затем прижал длинные, бледные пальцы к стеклу, совершая медленные, поглаживающие движения.

Внезапно Коу Дун почувствовал, как по его животу разлился могильный холод. Ощущение было настолько реальным, будто пальцы монстра прошли сквозь толщу стекла и коснулись кожи. Скользкие, острые когти скользнули в узкую щель между его телом и спрятанным под одеждой яйцом. Наткнувшись на твёрдую преграду, скользкие длинные пальцы согнулись и тихонько постучали по ней.

Словно проверяя, живой ли там кто внутри.

Пользуясь максимальным уровнем благосклонности чудовища, Коу Дун ничуть не испугался. Напротив, он с самым серьезным видом похвалил:

— Какой заботливый отец.

Русал заворожённо смотрел на его округлившийся живот, и на его бледном лице действительно отразилось искреннее замешательство.

«Я действительно чувствую родную кровь. Свою силу»

«Но почему?..»

Он пристально изучал Коу Дуна, словно силясь разгадать загадку этого хрупкого человеческого тела. Его взгляд скользнул по тёмной макушке, спустился к чуть съехавшему воротнику рубашки, обнажавшему нежную, белую шею. Под тонкой кожей едва заметно ветвились бледные вены. Сквозь них угадывался мерный, пульсирующий бег горячей крови. В отличие от ледяного тела русала, этот человек буквально дышал живым, манящим теплом.

«Идеальное, горячее гнездо для моего будущего потомства»

Густые, длинные ресницы русала дрогнули и медленно опустились. Тонкие губы приоткрылись, а уголки рта поползли вверх, складываясь в подобие улыбки.

— Моё... — тихо, протяжно выдохнул он, продолжая незримо гладить живот юноши. — Моё...

Коу Дун впервые слышал его голос. Он не был хриплым или звериным — напротив, звучал глубоко, бархатисто и невероятно благородно, с неторопливой интонацией истинного аристократа. Сложно было поверить, что этот завораживающий шёпот принадлежит безжалостному монстру.

Коу Дун довольно прищурился и кивнул:

— Твоё, твоё.

«Эх, наивное дитя природы»

«Как там поётся в той песне? Любовь — это яркий свет, от которого зеленеют рога»

Глядя на колышущиеся в воде густые пряди Подопытного S, Коу Дун готов был поклясться, что

видит на его макушке отчётливое изумрудное свечение.

Из горла русала вырвался тихий, рокочущий звук, похожий на утробное урчание довольного хищника. С почти благоговейным трепетом он огладил живот юноши, а затем слегка шлёпнул хвостом по стеклу, призывая подойти ближе.

Коу Дун послушно сделал шаг вперёд. Внизу, у самого основания стеклянного резервуара, в глубокой тени что-то тускло мерцало.

Это была оброненная русалом чешуйка.

— Это мне подарок?

Изображая глубокую беременность, Коу Дун осторожно, придерживая руками поясницу, опустился на корточки. Он подобрал чешуйку и крепко зажал её в ладони.

Тёмные, бездонные глаза русала следили за каждым его движением, отражая слабый блик света.

— Спасибо, — ласково улыбнулся Коу Дун и бережно спрятал чешую в глубокий карман брюк.
— Я сохраню её.

Хоть он и не знал точных свойств этой вещицы, было очевидно: личный талисман главного босса локации — предмет невероятно редкий и ценный. Он наверняка ещё не раз сослужит ему хорошую службу.

Перед самым рассветом Коу Дун тихо проскользнул обратно в свою комнату. Никто ничего не заметил. За ночь ему удалось отлично выспаться. К тому моменту, как пришло время выходить на работу, на таймере инкубации Большого Яйца оставалось всего чуть больше пяти часов. Малыш стремительно приближался к моменту своего рождения.

От одной мысли об этом Коу Дуна так и распирало от предвкушения. А вдруг из скорлупы действительно покажется дуло ручного гранатомёта?

Система искренне не понимала природы этой нездоровой фиксации на тяжёлом вооружении.

— Эх, — скромно вздохнул Коу Дун. — Неловко признаваться, но у меня с детства была мечта... взорвать что-нибудь к чертям собачьим.

Система: [...]

«Ну что за маньяк? В школьные годы не наигрался со спичками, так теперь решил разнести к чертям игровой мир?»

На следующий день работа продолжилась в прежнем ключе.

Очкарик, повредивший вчера руку, сегодня усердно разыгрывал из себя руководителя, ограничиваясь лишь устными ценными указаниями и заставляя остальных возиться с разборкой тяжёлых деталей.

Сун Хун огляделся по сторонам, мысленно пересчитал присутствующих и нахмурился. Не хватало одного игрока — того самого угрюмого мужчины, который всегда держался особняком.

— А где этот? — спросил он, хмурясь. — Не пришёл?

Игроки лишь недоумённо покачали головами. Об этом человеке мало что было известно, кроме его буйного и вспыльчивого нрава. Он уже успел несколько раз крупно повздорить с Очкариком, и дело едва не закончилось дракой прямо на рабочем месте.

Комната этого грубияна находилась как раз напротив жилья Очкарика. Сун Хун решил проверить его и лично отправился стучать в дверь, но сколько ни колотил, изнутри не донеслось ни звука.

Он потянул за ручку, попытался повернуть её и мгновенно посерьёзнел.

— Ну что там? — окликнула его А-Сюэ.

— Заперто, — коротко бросил Сун Хун и жестом велел остальным отойти подальше. — Придётся выбивать.

Двери жилых блоков были самыми обычными, без сложных электронных замков лаборатории. Несколько крепких парней навалились разом и с силой вышибли дверь. Но стоило ей распахнуться, как все присутствующие инстинктивно отшатнулись, зажимая носы.

В нос мгновенно ударила удушливая, концентрированная гнилостная вонь, словно в этой комнате неделями квасилось тухлое мясо. Полосы засохшей бурой крови тянулись от самого пола по стенам до самого потолка. На полу валялось несколько бесформенных кусков багровой плоти — изуродованные останки, в которых невозможно было узнать части человеческого тела. Казалось, несчастного сначала тщательно изжевали, а потом выплюнули обратно на линолеум.

Зрелище было настолько омерзительным, что стоящая позади девушка позеленела, попятилась

и её тут же шумно вырвало прямо в коридоре.

Никто не посмел её упрекнуть. Даже выдавший виды Сун Хун заметно побледнел. Помолчав, он глухо произнёс:

— Осмотрите здесь всё. Нужно понять, какой триггер он активировал.

В любой игре существуют правила. Смерть не наступает без причины — обязательно должна быть какая-то логическая зацепка или нарушенное табу.

Очкарик тоже выглядел неважно, но при этом явно терял терпение:

— Да что тут обыскивать? Вся комната в кровавом месиве. Хотите копать в этом дерьме — валяйте, а у меня куча работы. Мне ещё манипулятор собирать.

Сун Хун нахмурился. Он сдержал раздражение, но ответил довольно резко:

— Мы обязаны выяснить причину его гибели, если не хотим закончить так же.

— И что с того? — огрызнулся Очкарик. — Человек мёртв. Какая теперь разница, почему?

Игроки мрачно промолчали. Никто не горел желанием вступать с ним в бессмысленный спор.

Тишину нарушила А-Сюэ. Она издала холодный смешок и ядовито заметила:

— А я-то думала, ты будешь праздновать.

О вражде между Очкариком и погибшим знали абсолютно все.

Эти слова повлияли на Очкарика как искра, брошенная в бочку с порохом. Он буквально взвился на месте.

— Ты что несёшь?! — Он яростно ткнул пальцем в сторону девушки. — Да как ты смеешь вообще такое говорить?!

Его кадык нервно дёрнулся. С трудом скрыв промелькнувший в глазах панический страх, он сорвался на крик:

— Раз вы такие умные, то и подышайте здесь все вместе! Мне плевать!

А-Сюэ даже бровью не повела. Она смерила его ледяным взглядом:

— Я просто констатировала факт. Чего ты так разнервничался?

— Да ты...

У Очкарика затряслись руки. Не найдя достойного ответа, он лишь выплюнул сквозь зубы: «Да пошли вы все!» — и, резко развернувшись, зашагал прочь.

Громко хлопнув дверью соседнего помещения, он скрылся из виду. Оставшиеся игроки растерянно переглянулись. Сун Хун примиряюще коснулся плеча А-Сюэ:

— Ладно, я пойду проверю его.

В конце концов, Очкарик оставался их единственным специалистом по механике, и доводить его до белого каления сейчас было крайне неразумно.

Всё это время молча стоявший в сторонке Коу Дун вдруг подал голос:

— Давай лучше я.

Сун Хун удивлённо взглянул на юношу. Отметив его абсолютное спокойствие, он покачал головой и слабо улыбнулся:

— Хорошо, иди.

Коу Дун поспешил выйти в коридор.

Он обнаружил Очкарика в дальнем углу мастерской. Тот сидел на корточках, уткнувшись в наброски чертежей, и даже не поднял головы на шаги Коу Дуна.

Коу Дун присел рядом с ним на корточках и мягко спросил:

— Ты как? В порядке?

— А что мне сделается? — огрызнулся Очкарик, слегка отворачиваясь. — Сборище бесполезных идиотов...

Но несмотря на напускную грубость, его пальцы заметно дрожали, комкая край бумаги, а сам он упорно отклонял корпус в сторону, словно избегая прямого контакта. Это выглядело как

обычная обида, но Коу Дуна внезапно пронзило странное, почти иррациональное предчувствие.

«Он изо всех сил старается не смотреть на мой правый карман»

«На дне которого лежит лишь одна-единственная вещь — подаренная русалом чешуйка»

<http://bllate.org/book/18984/1933588>